

Владислав Юрьевич Дорофеев

Из России в Россию

Владислав Юрьевич Дорофеев

Из России в Россию

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181850

Аннотация

«Из России в Россию» – самый большой маршрут страны, «Владивосток-Москва», взгляд на страну из окна вагона, вполне будничные переживания и взаимоотношения в дороге, будничность в какой-то момент переплетается со сказкой, все это перемежается детальным описанием страны, которую пересекает герой вместе со своей семьей.

Владислав Дорофеев

Из России в Россию

3 июня, 1994 г.

Я никуда не приехал, ибо я никуда не выезжал. Дорога колдует. Все время играю. Всегда.

Люди живут, например, как Фотина. Она уморительна и серьезна во время покупки черных колготок. Выставив язычок, рассматривает на свет прозрачную черную кисею, слушает продавщицу, задает вопросы, оставаясь абсолютно серьезной. Она не играет, она так живет, она максимальна в настоящем времени, в настоящих обстоятельствах, ее почти ничего не смущает в настоящем, ничего не волнует в будущем, или вовсе ничего.

Я могу в той же манере разговаривать с барменом или безобразным иностранцем, но для меня это – игра. Я могу раскрутить любого человека и быть ласковым с врагом или неприятелем, или человеком глупее меня, но это для меня – игра.

Фотина живет по-настоящему. У нее редкий вкус в одежде, она ходит красиво и всегда внешне жизнерадостна, кажется, при этом воспитанной, и необычайно энергична и напориста.

Впрочем, довольно о ней.

Последние несколько дней, готовясь к дороге, я стал нерв-

ничать, затем злиться на себя за свою невыдержанность, точнее, за свое внезапное беспокойство.

Выражается это в трудном вставании по утрам, некоторой несобранности, хотя это могло быть вызвано началом проекта НСН. Это – моя новая игра. Я постоянно играю – в мужа, в отца, в репортера, в звезду, в друга, в предателя, в любовника, в негодяя, вот теперь в одного из руководителей и создателей информационного проекта национального масштаба – НСН. Я уже влиял на умонастроения миллионов людей на восточном побережье страны. Теперь будет возможность влиять на общественное сознание миллионов и миллионов в стране. Я готов к этой новой роли. Эта роль – для меня. Но это новая игра.

Все перечисленные роли оказывались малы и недостаточно глубоки для меня. Я их пережил и прошел. Где же моя новая роль – что она, кто она?

Писательство, отцовство, супружество – может быть так?! Не будем загадывать и перебирать. Войдем вновь в полноводные воды жизни!

Дорога колдует.

Сегодня колесил по городу: перед отъездом из Москвы в Хабаровск за женой и детьми, я ходил по магазинам – покупал книжки, игры, кое-что еще. И дважды ездил на машине – с Фотиной и случайным водителем. И они оба нарушали правила. Фотине сошло с рук, а водитель, который также развернулся против движения, попал под штраф.

Москва постепенно приобретает исторический облик – ремонтируется, реставрируется, отстраиваются дома. Москва делается красивой. Затем я отдал на сохранение и ухаживание свой бонсай, сосну о четырех стволах, и поехал в аэропорт. По дороге разговорился с водителем, который возит время от времени иностранцев из Шереметьево в Домодедово на рейс в Новосибирск. А в Новосибирск они едут в центр по сердечно-сосудистым заболеваниям, где им делают операции на сердце. Операция стоит \$30 тысяч, КПД – 90 %, что выше, чем где-либо за рубежом. Так сказал водитель. Интересно, что вместе с ним я в третий раз за день пересек разграничительную линию на проезжей части улицы, на сей раз обошлось. А еще я сегодня в самый последний момент отказался смотреться в расколотое зеркало – плохая примета. А еще я сегодня купил пиджак за DM201.

Авиарейс Москва-Хабаровск. Возможно, последний раз. А сколько было прежде?! Много.

В аэропорту Домодедово вспомнилась эйфория, которая была в стране, когда начался передел власти. Помню, как я, наблюдая грязь и разруху в этом же аэропорту в 1991 году, думал, когда же это все изменится!? Я говорил себе, что, конечно же, невозможно вслед за политикой изменить экономику, но как хотелось верить в чудо. Я убеждал себя в том, что, конечно, пройдет много времени, прежде чем что-то изменится. Как же хотелось заглянуть вперед.

Прошло три года – нет изменений, грязь, убожество, тол-

чея, разве что есть холодное пиво, сардельки и денег побольше в кармане. И другие поводы.

Пишу, сидя в кресле у иллюминатора, над головой темная лазурь неба, кипень света ушла за горизонт, мы летим, обгоняя мое время. Небо цвета бордо и пастельной неопределенности в соприкосновении с легким бризом фиолета, переходящего в синь и темную лазурь с оттенком бирюзы.

То есть, я можно сказать, пишу, смотрю, мечтаю, думаю о жене, которую хочу. И вдруг бросаю взгляд и вижу в проходе мертвое женское лицо. И пошла, блядь такая с глаз долой. Она и пошла.

А за бортом дивно. Чернь волнистая облаков, крыло, рассекающее что-то, и еще более потемневшие облака. Красота навсегда – летим мы или нет, она есть всегда. Входим вовсе в ночь, багряное и неопределенное, пастельное ушло, осталось только лазурное, голубое и нежное серое. Рассвет нас не оставит, он нас вскоре встретит восходом солнца, таким же мощным движением вверх, каким оно было вниз.

Фотина, конечно права, – у меня не просто ужасный характер, я еще и капризен, и излишне многозначен, и амбициозен, и закомплексован абсолютно и безо всяких поводов. Одним словом, барышня. Так уж и барышня?! Не так уже, но, видимо, не без того.

Пустота не терпит пустоты. Ночь абсолютная держалась совсем немного – минут 15–20. И пошел восход алеть, и небо высветлило. И кромка крыла высветлилась.

Только я зажевал эти мысли крылышком птички, как голос справа – «ты – Дорофеев»?

Три года, как я не работаю на Хабаровском телевидении, а люди помнят. Видимо, что-то важное для людей я все же сделал, если спустя три года помнят мою фамилию незнакомые мне люди, значит, значит, не зря в Хабаровске я работал, – для людей я работал, я менял их жизнь. Люди это и помнят. Оценили.

Розовое вновь выскочило, будто пробки со дна, выпущенные из под руки тяжелой. И уже не розовые всполохи, уже розовые свитки разворачиваются и перемешивают все со всем. А внизу темень облаков – и темное брюхо самолета пояшет этот воздух в неизбежном движении вперед. Да.

А меня где-то ждут и любят, и я жду и люблю. А у Фотины сегодня были грустные глаза, большие, блестящие, но печальные, как всегда, независимые и крепкие, настоящие. Славная девочка. Я ее, конечно, не обижал, проверял, разве что.

А на небе уже неразливанная синь, она вышла не вдруг, багрянец легкий сменился розовым, которое вышло на небо пластами, чтобы уйти в желтое, которое затем обернулось бледно-голубым и иссиня-темным.

Благодать на небе. Годы и годы миллионы людей пролетали мимо, вглубь и вскользь, прямо и наоборот – никто не видел, я первый рассмотрел.

Кажется, Фотина будет скучать без меня.

День же разворачивается, вплотную мы к нему подступаем – и резкий багрянец солнца уже проявился слева и впереди, верхняя половина за облаками, нижняя полыхает, словно, горящий уголь. Вот уже вышло благодетельное солнце.

Здравствуй, день.

Солнце высветлило плешь облаков, далекую и темную землю внизу. И горит, и слепит золотым огнем, – горит, дорогу указуя, совершенно живое и наполненное глубинным огнем, которым горит тьма окаянная, когда тьма светом застится.

В самолете сидят и смотрят тревожные свои сны люди, думают о грядущем.

Солнце поднимается. Диск-шар пытается взойти на горизонте, заполняя все окружающее своим горячим светом, – хорошо и желанно, но порой и легко, но порой и вечно. Радость – это и восходящее солнце каждый раз. Господи, высвети свет светом ради света и от света. Солнце – уже хозяин. Да. Нет сильнее ничего.

В салоне воняет алкоголем и перегаром, и чем-то нехорошим. Многие, очень многие мужчины и даже некоторые женщины практически тотчас после взлета принялись выпивать и закусывать, а затем разом все захотели спать, и почти разом все заснули. Что-то негодное в этих людях, если они не договариваясь, действуют сообща. И, если бы действие это было прекрасным, тогда их общность была бы достойна подражания. Но нет.

4 июня, 1994 г.

Самолет в осиянной благодати планетной – солнце горящее и пламенеющее над облачным раздольем, в окружении красок бледно-серых с голубизной. Неподражаемые краски утра. Солнце впереди, освещает путь. Дымкой подернутое пространство между небом и землей, на которой кряжи и сопки, – уже сопки! после пяти с половиной часов полета, – подернутые снегом.

Дальний Восток на дворе. Да! И спокойствие света после крыла, и величие, и неистовство света по движению крыла.

День ярче и ярче. Облака уже просвечены – стали белы. Вдали цепляются облака за горные кряжи, кудрявистое светлое кружевато поле, пронизанное темными острыми дулями. А вот и подобие реки меж двух протяженных кряжей.

Как же протяженна, разна и исключительно привлекательна, хороша Россия. Великая страна.

Нужно сделать моду на Россию, моду на посещение ее самое. То есть одно из первых дел государства – развитие внутреннего краеведческого туризма. И делать протекции фирмам, которые возьмутся за организацию такого туризма, этого бизнеса.

За крылом осталась (буквально я вижу сзади по движению самолета) кряжистая горная страна, возвеличенная снегом и светом.

Поменялась природа облаков. Под нами сзади и впереди, кругом, – белое плотное облачное марево и подозрительная

сила неба.

Облачный поход, облачное пиршество, облачный бред – вот во что мы вошли, и движемся внутри залитого, наполненного облаками пространства.

Мы вышли из облачного промежутка, мы вошли в открытое междутемье, между небом и землей есть только одна нить движения – в никуда и ниоткуда. Да!

Родная земля под землей. Я лечу к моему дому. Я успел полюбить этот дом, он стал моим домом, – это город Хабаровск, и эта земля – Дальний Восток. Мне приятно здесь будет всегда и всегда пронзительно волнительно. Это ни равнина, ни горы, ни нагорье, ни лес, ни тундра – это Дальний Восток.

Подумалось о крыле самолета; почему оно неподвижное, ведь воздух живой, он движется, потоки ходят, крутятся, двигаются, несутся и прежде всего живут, значит, и крыло должно быть живым или имитировать живое состояние.

Живая имитация – это будущее воздухоплавания.

Внизу следы наводнения. А на берегу – или краю? – потока – люди высотой с мост.

Сели в красивый, большой, зеленый город – Хабаровск. Плюс пятнадцать градусов. Зелень чистая. Ясно. Господи! Помоги и укрепи, и направь!

Меня встретили. Хорошо и нервно. Анечка плакала, Лена ждала и нервничала, как и я, несколько дней подряд. Дети страстно, и может быть, страшно ждали. Впечатление от них

– трудные. Собственно, они выглядели, как одинокие люди, лишенные чего-то главного. Бедные мои, родные люди.

Асенька все время ловила мой взгляд. Анечка неловко смущалась, ловя мой взгляд, а Асенька устремлялась навстречу.

Лена, как мне и виделось, как-то так потуплялась, как она делала всегда, когда была счастлива.

Нет, я вовсе не домой приехал. Я приехал к родным людям. Хабаровск – уже не дом мне.

Произошло непоправимое; энергетический центр Хабаровска разрушили – две дуликие каменные обезьянки убрали с их законного места, на котором раскопали землю, обнесли все глухим забором, развернули строительство. Пока я был – место было. Меня нет – и места нет. Вокруг все тоже, но не подойти, не постоять. Странно, у меня нет ни одного снимка с обезьянками, не получались. Все кончено. Разрыв с Дальним Востоком состоялся.

Анечка стала капризная, резкая, но тонкая, хорошо чувствует насилие и грубость. Асенька умна, закрыта, решительна в выработке собственного мнения. Анечка чрезмерно чувствительна. Я чувствую себя хорошо с девочками и Леной.

Мы прошли по улице Карла Маркса – центральная улица города. Удручающее зрелище производит город. Видимо набирают силу консервативные, удушающие коммерцию, структуры. На центральной улице нет практически магази-

нов новых, нет новых ресторанов, нет закусовых, нет офисов, нет рекламы – голая степь. Лица неинтересны, бабы ужасны, мужики провинциальны, все одеты в большинстве старо. В коммерческих лавках невероятно бедно, выбор мал.

И все же невероятно красиво на Амуре, с утеса очень сильный вид и панорама. Но этот вид и это величие были найдены и определены еще в девятнадцатом веке, т. е. – это заслуга предков.

Посмотрел ночью видеосъемку семьи, сделанную весной 1991 года. Дома как-то чисто и солнечно. Но на детях и Лене печать какой-то подавленности, природа которой – я. Теперь я понимаю, причина моего наказания – мое дикое, гипертрофированное самомнение. У Лены редкой красоты волосы и глаза чистые и ясные. Вот мое богатство – и дети. Никогда не стану снимать детей и близких на видео.

5 июня, 1994 г.

Сегодня утром проснулся в некотором дурмане. Вчера ходили по городу, как же мне было тяжело – давит здесь. Я сейчас собираюсь, пытаюсь понять, что я оставляю в этом городе, что и как, и почему. Трудно собраться с силами и окончательно выскочить из этого бывшего рая, которому я отдал семь лет. Было много; останется свинцовое небо над осенним тяжелым и мощным Амуром, осенний пляж, дети на песке, город за спиной – с возможностями, с опасностями, со злобой. Останется неторопливость и осторожность бытия вокруг, пошлость и бездарность людского окружения – в от-

сутствие любви.

Сегодня вновь почти весь день в городе. Ходили в японский ресторан – там настоящая японская кухня, в настоящем японском антураже. Что-то все же произошло в Хабаровске, ушли отсюда люди, стало много меньше иностранцев (по сравнению с началом девяностых годов), видимо, сместился окончательно центр деловой активности во Владивосток. Вовсе пустой ресторан – никого, мы ели вчетвером. Пусто, даже немного досадно. Мы ели в отдельной комнате.

Печально, наши дети вообще не привыкли к жизни, выходящей за пределы дома. Затем, ближе к концу ужина я загрустил, начал пережевывать мимолетную встречу с Александром Солженицыным.

Он вышел неожиданно нам навстречу, мы шли вчетвером, Лена увидела его первая. Встреча была короткая, мы пожали друг другу руки после моего приветствия. Затем я сказал, что я – журналист из «Коммерсанта», из Москвы; он тут же потерял интерес ко мне, повернулся бабьей широкой задницей, пошел, не разрешив сфотографироваться с ним. В тот момент я не отреагировал. В конце семидесятых годов я его книжки тайком переснимал в фотолаборатории, боясь всего. А он повернулся спиной. Досадно. Он излишне романтичен к России, переоценивает силу провинции к консолидации. А.С. – стар, худ от старости, изможденная рука, в бороде узкое лицо. Глаз я не разглядел, я пытался охватить его образ, принять его присутствие здесь. Он был в полосатой темной

рубашке, когда здоровался со мной, снял кепку. Когда он пошел от меня, я увидел штаны, выскочившие, сползшие из под ремня. Гений не всегда проницателен, гений может быть и внешним, а потому надо уметь видеть только внешнее.

Странна его реакция, такая реакция – это следствие слишком общего, слишком крупного взгляда на окружающий мир. Он, собственно, никогда и не был художником, он – документалист-протоколист, в этом его сила. Психологией никогда не пахло, как и артистизмом в его романах. Он ничего нового не внес в развитие языка, он внес новое в развитие общественной жизни, в историю человеческой личности, он сам – как олицетворение планетного процесса развития личности. Он слишком много сделал, пока даже не все понятно, что с этим делать.

Солженицын приехал спасать, точнее, помогать родине, он – гений, и потому не важно, ошибается он или нет. Он избран, и он знает это. И потому он чувствует себя мессией.

6 июня, 1994 г.

Никогда не фотографируй спящих людей – это не хорошо.

Станным образом смешались – город Хабаровск, соседи, сегодняшние встречи на улице, в баре, в гостинице; затем разговор с Сашей-соседом обо всем – умный, неординарный человек, много понимающий, еще больше осознающий – сила и основа нации, как и моя Лена, устоявшая во всем.

Сегодня в городе говорил с людьми, которые умны, и прежде я думал о них, но теперь я вижу, они менее напряже-

ны, чем люди в столице, просто у них здесь меньше информации извне, а потому меньше приходится решать новых задач, ситуация стабильнее в провинции. Я себя чувствую сейчас здесь сильным, сильнее других, а в Москве первое время я дергался оттого, что был слабее, точнее недостаточно сильнее окружающих. Мне лучше всегда себя чувствовать чуть-чуть сильнее всех. Еще в разговоре с Сашей я пришел к мысли о том, что сейчас у власти в России – либералы. К власти должны прийти консерваторы – в этом спасение нации.

А еще я сегодня встретил Ирину – героиню романа «Ирина» – чувственные губы, изначально обволакивающие любой предмет, который попадает к ним, огромный рот, ленивая стать, вечная слегка замедленность. Реальная Ирина в романе – более разнообразна и полифонична, более мобильна, более резка и реактивна, а потому и более глубока, решая принять участие в чем-либо или с кем-либо. Ирина в романе более жива. Вряд ли мне еще нужно о чем-либо говорить с прототипом, скорее всего она скучна.

Нарисовал стрелку в тетради, в которую я записываю это повествование. И вспомнил страницы дневника Федора Достоевского, он рисовал церковные, устремленные вверх остриями церковные арки и купола, и черные Достоевские чернила, и резкий Достоевский почерк. Я многое до сего дня видел в жизни, я сильно привязан к истории жизни: Межиров, его холодные юные руки, задница Солженицына в коричневых, обмятых штанах, наконец, я видел и знал многих

сильных своих современников.

Еще мы с Сашей сегодня согласились с тем, что в стране растет коррупция, финансово-промышленные группы замкнуты на власть коррупции; и затем через депутатство и протекционизм представители таких групп будут входить во власть. И это уже неизбежность, которую невозможно обойти, если играть в игру больших денег, большого влияния, большой власти. И в этой драме выжить, защититься, научиться нападать, можно только будучи умнее обстоятельств и привходящих условий, и других навязываемых извне предложений. Это необходимо, чтобы обезопаситься от давления, насилия, использования и манипулирования. Наконец, в профессиональной сфере выйти на конкурентный уровень можно и удастся за счет нестандартных решений, за счет неординарных личностных устремлений и подходов. Только теперь мне придется к нестандартности решений и идей добавить знания и, главное, понимание политики на всех уровнях власти.

В этом городе у меня было много людей, которые меня знали, еще больше людей знали обо мне. Я – легенда Хабаровска, звезда восточного побережья России – и это было хорошо, хотя и стоило многих сил. Я пишу сейчас об этом наиболее трезво и реально, нежели когда-либо. И начинал я в Хабаровске так же нелепо и одиноко, также из личной жажды к развитию, так же я чувствовал, что вокруг меня люди, которые меня не любят, не хотят помогать, которые мне

враждебны зачастую. То же и в Москве сейчас происходит со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.